

В.Н. Ипатьев

**Жизнь одного химика.
Воспоминания**

Том 2. 1917-1930 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
В11

В11 **В.Н. Ипатьев**
Жизнь одного химика. Воспоминания: Том 2. 1917-1930 гг. / В.Н. Ипатьев –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 648 с.

ISBN 978-5-458-78307-1

ISBN 978-5-458-78307-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПАМЯТИ НЕИЗВЕСТНОГО ХИМИКА

Автор.

The English edition of the MEMOIRS by V. N. IPATIEV, now being prepared, will be published by the Stanford University Press and edited by the Hoover Library of War, Revolution and Peace, which has the exclusive right to publish my *Memoirs* in all languages except Russian—on the conditions laid down in our agreement.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ

1917—1921

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

Последние дни февраля 1917 года в Петрограде были очень тревожны, так как начались забастовки на разных заводах, изготавливающих военное снаряжение. 22-го февраля военный министр Беляев созвал совещание из начальников Главных Управлений; он пригласил также и меня, как председателя Химического Комитета. Цель этого заседания была совершенно непонятна, — разве только для сообщения нам, что мы находимся накануне больших беспорядков, которые могут привести к развалу всего государства. В своей речи Беляев выявил себя вполне растерянным человеком, совершенно не знающим, что предпринять ему самому, и что мы должны делать при развивающихся непредусмотренных событиях. Насколько он был растерян можно было заключить из того, что он предложил развести мосты, чтобы воспрепятствовать проникновению рабочих из Выборгского района и Петербургской стороны в центр города; ему тотчас-же заметили, что реки скованы льдом и эта мера не имеет никакого смысла.

В воскресенье, 25-го февраля, я возвращался домой вечером около 11 часов от академика архитектуры Григория Ивановича Котова, который жил в доме музея барона Штиглица. На улицах была полнейшая тишина, и, кажется, ничто не предвещало событий, которые на другой день разыгрались на улицах Петрограда. Утром в понедельник, 26-го февраля, я был вызван по телефону дежурным писарем моего Химического

Комитета, находившегося на Песках, рядом с казармами Волынского и Егерского и др. полков. Он мне передал, что в гвардейских полках началось восстание, и что находящийся на службе Химического Комитета полк. Шнегас, который шел на работу, остановлен солдатами и избит, а возможно, что и убит. Писаря Химического Комитета предлагали мне не приезжать на службу и остаться дома. Я приказал шоферу поставить автомобиль в гараж, а сам решил пойти пешком в Главное Артиллерийское Управление, которое находилось на другой стороне Невы. Я совершенно спокойно прошел через Литейный мост, на котором народа не было больше, чем в обыкновенное время, и, придя в Управление, прошел прямо к начальнику А. А. Маниковскому для выяснения создавшейся обстановки. Занятия в Управлении шли своим чередом, и в зале заседаний, напротив кабинета начальника, шло очередное заседание II отдела Комитета под председательством генер. Якимовича.

А. А. Маниковский сам не знал, что происходит в городе, и его телефонные звонки не помогли ему выяснить картину происходящих беспорядков. Но по мере того, как стали прибывать в Управление различные служащие, стало выясняться, что уже многие воинские части вышли из повиновения, а некоторые офицеры убиты. В Управление пришел английский военный аташе полк. Нокс, который тоже подтвердил о начавшихся больших беспорядках в городе. Через некоторое время начали доноситься звуки выстрелов, все учащавшиеся, и сильный гул приближающейся толпы.

Когда из окон второго этажа Управления стала виднадвигающаяся толпа, я вместе с полк. Ноксом спустились в вестибюль узнать, что происходит на улице. В это время солдаты с выстрелами ворвались в вестибюль и начали отбирать холодное оружие офицеров Управления. Так как я, как генерал, имел шпагу, не имеющую никакого боевого употребления, то солдаты ее не взяли. Произведенными выстрелами в приемной комнате был случайно убит один штатский японец, который пришел в Управление по военным заказам; я и Нокс увидели

первую жертву революции, он лежал на полу обливаясь кровью. В тот момент я совсем не думал, что другая шальная пуля легко могла отправить меня по той же дороге, куда ушел и японец. Мы вышли из главного подъезда Управления на Литейный проспект и увидели, что он весь был запружен толпой. К нам подошли солдаты и несколько рабочих. Судя по хорошей одежде и по разговору их нужно было считать высоко квалифицированными рабочими одного из больших петербургских заводов. Я не могу припомнить всего разговора, который имел место, но помню, что Нокс спросил их, что они думают делать дальше, на что получил очень неопределенный ответ.

Я вспоминаю тоже, что я на их запрос указал, где находится дом министра внутренних дел Протопопова, и они решили направиться по этому направлению. Мой разговор с рабочими и солдатами произвел на них такое впечатление, что они пришли к заключению, что я могу быть им очень полезен для организации дальнейших революционных действий. Один из рабочих, как сейчас помню его красивое симпатичное лицо, прямо настаивал: «возьмем генерала с собой». Легко понять мое изумление и даже ужас, когда я услышал такое предложение; конечно, я поспешил незаметно ускользнуть назад, в здание Управления, пользуясь случаем, что их внимание в это время было приковано к разговору с полк. Нокс.

Я должен здесь снова напомнить, что в то время сильнейшее недовольство захватило все слои русского общества не только в тылу, но и на фронте. Как я уже сообщал ранее, при моем разговоре в Пскове, в штабе Северо-Западного Фронта, с ген. Болдыревым, последний мне прямо заявил, что «в случае революции мы, офицеры и солдаты, будем на ее стороне». Я чувствовал тогда, что так далее продолжаться не может, что атмосфера была накалена до последней степени. Все были особенно возмущены царицей Александрой Федоровной, — ее вызывающим поведением в отношении назначения самых бездарных и недостойных лиц на должности министров. Все знали, что Государь был безвольным человеком и что его супруга делала с ним, что хотела. Достаточно было даже небольших

стачек рабочих или бунта в одном из запасных батальонов, чтобы волнения мгновенно распространились на все слои населения.

Революционное настроение было у всех, — начиная с верхов интеллигенции и до последнего мужика. Я помню свои разговоры с крестьянами деревни Собельниково, моим соседями по хутору в Калужской губернии. Все они в один голос заявляли мне о своем крайнем недовольстве войной и спрашивали, когда же она кончится; они особенно чувствовали тяжесть войны летом в 1916 году, когда был объявлен призыв до 40-летнего возраста и в деревне должны были остаться одни старики и женщины. Такой отсталой стране, какой являлась совершенно не подготовленная к войне Россия, ведение громадной войны на два фронта представляло громадные трудности. В особенности надо принять во внимание, что, как русский народ, так и инородцы, не понимали целей войны, и потому считали, что жертвы, ими приносимые, совершенно излишни. Что я мог сказать своим соседям, когда я сам считал, что продолжение войны угрожает полным развалом государства, и что неумелый способ ее ведения, несомненно, должен вызывать крайнее раздражение во всех слоях населения? На их вопрос я отвечал вопросом же: а как ее кончить? Ведь разрывая с союзниками и заключая мир с Германией, мы можем впоследствии очутиться снова в очень тяжелом положении, — не говоря о том, что все принесенные громадные жертвы пропадут даром. Но деревня во время революции, начавшейся в Петрограде и Москве, а потом и в других городах, молчала. Она выжидала событий, и до зимы в ней наружно было все спокойно. Февральская революция как бы не всколыхнула еще деревни, хотя, несомненно, что вопрос о приобретении помещичьей земли был главным лозунгом крестьян: деревня только ждала удобного момента, когда будет можно безнаказанно взять ее в свои руки.

Когда рабочими и солдатами мне было сделано предложение принять активное участие в революционных действиях, то, приняв во внимание, что я в политических делах никогда не принимал участия и не имел никакой политической программы,

я сразу решил незаметно скрыться. Из Управления, которое уже было занято солдатами, беспорядочно стрелявшими в потолок и стены, я решил выйти задним ходом на двор, а потом через калитку на одну из улиц, прилегающих к Литейному проспекту, и пробраться домой. Но ворота Управления были закрыты, и мне пришлось пройти на двор Орудийного Завода (он находился рядом с Г. А. У.), откуда после долгих поисков я нашел выход наружу. Теперь надо было решить, как мне пробраться домой; переход через Неву по Литейному мосту был невозможен, так как он весь был запружен восставшими. Оставалось перейти Неву по льду, и потому, я направился на Набережную к Гагаринскому переезду. Здесь случилось событие, которое, может быть, спасло мою жизнь, так как появление на улице перед восставшей толпой генерала представляло громадную опасность: в этот день было убито не менее 10 генералов и много офицеров. Выйдя из Орудийного завода я встретил солдата Ромашева, вестового моего сына, Дмитрия, который был убит на войне под Вильной. Ромашев любил моего сына, был с ним во всех боевых делах и привез его тело в Москву, после отступления наших войск от Вильно. Бог послал мне этого человека, только благодаря которому я и смог пробраться домой. Мы решили идти через Неву по Гагаринскому переезду и выйти к Медицинской Академии. С Литейного моста нас заметили и пустили по нас несколько выстрелов; мы добрались до другого берега и увидели на Набережной, у Военного Госпиталя и Военно-Медицинской Академии, громадную толпу солдат и рабочих. Протискиваясь через эту толпу с Ромашевым, который держал меня за руку, я был несколько раз останавливаем и допрашиваем: «куда идешь, отдай оружие». На эти вопросы, Ромашев отвечал: «веду генерала в Академию, где он служит профессором, там разберут». Я со своей стороны, показывая мою шпагу, смеясь добавлял: «Возьмите это оружие, которое годится только мешать уголь в камине».

По приходе в Академию, я явился немедленно к начальнику ген. Чернявскому, который был с другими служащими и

профессорами в канцелярии, и рассказал ему все виденное и слышанное. Я предупредил, что переход через Литейный мост крайне опасен, и лучше переждать до другого дня, чем пускаться сейчас в опасный путь. В это время я узнал, что ездовые солдаты, прикомандированные к Артиллерийскому Училищу, на обязанности которых лежал уход за лошадьми, отказались повиноваться начальству и не позволили юнкерам запрягать лошадей в орудия: от генерала Хабалова, коменданта Петрограда, был дан приказ батареям Артиллерийских Училищ с боевым комплектом выехать в центр города для усмирения восставших воинских частей и рабочих. Это приказание по указанной выше причине не могло быть выполнено. Но если бы даже батареи и выехали бы из Ломанского переулка (Выборгская сторона), то они далеко бы не уехали, так как вся Нижегородская улица была запружена рабочими и солдатами.

Я вспоминаю впечатление, которое мой рассказ произвел на начальника Академии и других коллег. Они сочувствовали восставшим, и начальник Академии сказал, что это позор иметь министров подобных Протопопову и Маклакову. Большинство из чинов Академии и Училища сознавали, что произошли события громадной важности и что невозможно остановить начавшееся революционное движение. Его дальнейший поступательный ход обеспечивался тем, что у правительства, не пользующегося доверием страны, не было никакой силы, так как войско было на стороне восставших, а полиции было слишком мало, чтобы оказать серьезное сопротивление. Конечно, находились отдельные чудаки, которые говорили, что «это ерунда» и что у правительства достаточно сил, чтобы усмирить этот бунт. Они скоро поплатились за такое легкомыслие. Одним из таких был заслуженный профессор Артиллерийской Академии Николай Александрович Забудский. Когда я его предупредил не ходить домой, так как ему приходилось перейти через Литейный мост, то он мне на это возразил: «Глупости, вот мой приятель, ген. Мрозовский в Москве не позволит бунтовать, разом все прекратит», — и несмотря на мой и других коллег совет остаться в Академии, он около 5 часов вечера